

тельно ориентированы на Запад в том буквальном смысле, что желают видеть Турцию в составе Европейского союза. Но этот прозападный настрой, если взглянуть лучше, на самом деле является исламизмом, поскольку исламисты стремятся вступить в Европейский союз именно потому, что в составе Евросоюза влияние армии, кемалистской элиты, светской суверенной элиты Турции неизбежно сократится. Так что западничество, западная ориентация Турции, продвигаемая в основном исламистами, направлена на то, чтобы покончить со светским государством.

Нынешние отношения между Россией и Турцией находятся на сравнительно хорошем уровне, но едва ли они перерастут в антизападный союз. Если Россию и отвергают, то, во всяком случае, не на международном уровне. Позиция России намного отличается от турецкой в отношениях с Евросоюзом: Россия не кандидат в члены Евросоюза. Поэтому **в некотором смысле отношения между Евросоюзом и Россией являются более здоровыми.** Вопрос о членстве Турции в Евросоюзе на самом деле стал кошмаром еще тогда, когда об этом намерении было впервые заявлено в 1960-е годы. Конечно, лидеры Евросоюза по сути не хотят того, чтобы Турция стала членом Евросоюза, но не могут найти способа отказать ей. Вот почему отношения между Евросоюзом и Турцией крайне бесчестны, они искажены. Сама идея членства Турции в Евросоюзе является абсурдным предложением, которое продвигают американцы при поддержке некоторых европейских лидеров. Но по своей сути оно абсурдно как в экономическом, так и в цивилизационном смысле. Тем не менее, это предложение существует, и благодаря ему возникает множество ненужных трений.

Про Россию этого не скажешь. Во-первых, я не думаю, что Россия испытывает ту же цивилизационную необходимость в том, чтобы ее считали «западной» страной. Насколько мне видно, Россия — самодостаточная страна. В Турции же ситуация другая, и не только благодаря тем странам парадоксам, о которых я говорил раньше, касающихся вступления Турции в ЕС. Ведь если Европа — это культурная реальность, то нет сомнений в том, что Россия по праву к ней относится. Турция же не относится к Европе, не является частью европейской цивилизации. Безусловно, после захвата Константинополя и затем вплоть до конца XIX века Турция была европейской державой в том смысле, что ей были подвластны территории на Балканах, она стала тогда игроком на европейском политическом пространстве. Но по своим истокам Турция — не европейское государство, оно берет начало Бог знает где в Средней Азии, а ее центральная часть находится в Анатолии, а значит — не в Европе. ■

Специально
для Ярославского Форума

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ГИБРИДНЫХ МОДЕЛЕЙ

РОБЕРТ ИНГЛИШ — американский историк, специалист по современной истории и политике Восточной Европы и России; доцент Школы международных отношений при Университете Южной Калифорнии, США. Автор книги «Россия и идея Запада: Горбачев, интеллектуалы и конец Холодной войны» (2000) Специально для Ярославского Форума

Категории «европейский» и «западный» очень запутаны и трудноопределимы. Изначально они относятся к либерально-демократическим и политическим традициям, развившимся из идей эпохи Просвещения сначала в Западной Европе, а позднее — в США. Россия географически находилась довольно далеко от места зарождения этих традиций: ряд геополитических угроз привел к продлению самодержавного правления и осложнению либеральных реформ. Наметившееся в культурном плане разделение на западников и славянофилов указывает на то, что многие российские интеллектуалы имели сомнения относительно «западной модели» и верили в то, что русская цивилизация в корне враждебна либеральному, рыночному пути развития.

Продлившийся семьдесят лет коммунистический эксперимент стал во многих смыслах великой трагедией для России. Многие «новые западники» в России рассчитывали на то, что Россия быстро наверстает «потерянное столетие» своего развития, просто позаимствовав институты с Запада.

Однако провалы реформ «шоковой терапии» в 1990-х после падения коммунизма показали, что **культура не менее важна, чем политические и**

экономические институты. Западные модели не могли быть все одновременно импортированы и сразу же начать эффективно работать. Наоборот, когда их пересаживали на почву, полностью истощенную коррумпированной элитой, они зачастую приводили к обратным результатам.

Однако, культура не стоит на месте, она вечно меняется, пусть и медленно. Культура должна измениться, если Россия хочет отойти от модели экономики третьего мира, основными чертами которой являются доминирование государства, экспорт сырья и жесточайшая коррупция. У России в этом смысле нет другого выбора, кроме как стать «западной», как минимум в этом смысле.

Изоляция и автаркия не являются для России жизнеспособным вариантом развития в условиях глобализации. Однако, и «западная» политэкономическая модель как единственно возможная для всех — тоже не вариант. Китай, Турция, Индия и, будем надеяться, Россия свидетельствуют о том, что «гибридные» модели систем, подлаженные под особые исторические и культурные традиции, но, при этом, в адаптивной манере способствующие либерализации, будут в равной степени жизнеспособны в XXI веке. ■